

УДК 821.161.1

Г.И. МЕЙСТЕР

(german.meyster@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**ИМЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРСОНАЖА КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ
АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ В РАССКАЗЕ С. ШАРГУНОВА «ЖУК»***

Именная характеристика персонажей в рассказе С. Шаргунова «Жук» изучается как форма выражения позиции автора-современника, рассматривающего проблему взаимосвязи поколений в контексте социальных процессов конца XX и начала XXI в.

Ключевые слова: автор, персонаж, именная характеристика, поколение, «новый реализм».

Сергей Александрович Шаргунов, придя в литературу в начале нового тысячелетия, обратил на себя внимание не только как талантливый «рассказчик», но и как идеолог «нового реализма», создатель «Отрицания траура» (2001) – программного манифеста этого течения, объединившего молодых литераторов, «ключевыми метами» которых, по мнению самого С. Шаргунова, стали «внимание к обычному человеку» и обострённая «социальная отзывчивость» [12]. Он и сам на протяжении всего творческого пути доказывает верность этим художественным принципам, что отчётливо проявляется в рассказе «Жук» (2012), где писатель затрагивает тему конфликта поколений на фоне «столкновения эпох» так, что проблематика произведения выявляет «пути и средства нормализации культурно-экономической жизни всей страны в постсоветский период» [20, с. 193].

«Ключевыми» для понимания авторской позиции в этом произведении являются имена персонажей. Как справедливо утверждают теоретики литературы, имена действующих лиц способны выражать «субъективное отношение автора текста к его содержанию» [23, с. 14]. В анализируемом рассказе С. Шаргунова персонажи наделены «повседневными» антропонимами, но они «выразительны не меньше, чем редкие или вымышленные» [18, с. 418]. Это же относится к названию данного рассказа, «центру ономастического пространства художественного произведения» [9, с. 39], неслучайно теоретики литературы утверждают: «Даже во внешне нейтральных заглавиях присутствие автора всегда ощутимо» [13, стб. 849]. Слово «жук», вынесенное в заглавие, является полисемантом: исходное значение этой единицы – «насекомое с жёсткими надкрыльями», переносное – «о ловком, хитром человеке, плуте, проныре» [2, с. 308]. Эти значения актуализируются по мере развития сюжета, в основе которого – повествование о сложных взаимоотношениях семидесятивосьмилетней преподавательницы факультета биологии, профессора Евгении Филипповны и её тринадцатилетней внучки Вари. Они не очень дружны, но случай, произошедший с ними во время поездки в лес к студентам-практикантам, многое в их отношениях изменяет к лучшему. Речь идёт о событии, завязкой которого становится эпизод: один из студентов – Гусейн Жуков – в дни полевой практики неправильно усыпил жука, из-за чего тот остался живым и буквально «распятым» экспонатом, что поначалу вызывает солидарное возмущение у преподавательницы, курирующей практику, и её внучки: обе намереваются наказать Жукова за непрофессионализм, граничащий с варварством. В этом смысле идейное содержание данного произведения отчётливее проявляется при условии его контекстного прочтения: в сборнике произведений С. Шаргунова «Свои» (2018) данный рассказ имеет заглавие «Пригвождённый» [27, с. 315], отсылающее читателей к образу невинной жертвы. «Распятый» жук обречён на муки безжалостным «грешником», не «своим».

Однако и «свои» не всегда соответствуют высоким духовно-нравственным критериям. Негодование Вари, испытанное при виде несчастного насекомого, исчезает, когда она узнаёт, что Жуков –

* Работа выполнена под руководством Переваловой С.В., доктора филологических наук, профессора кафедры литературы и методики ее преподавания ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

тот самый парень, который очаровал её при первой встрече («Он посмотрел ей прямо в глаза <...> и плавно нарисовал в воздухе нечто вытянутое и большое. / “Мяч? – подумала Варя и тут же поняла: – Сердце”. И зрение её на несколько секунд затмили прихлынувшие сладкие сумерки...» [26]). Внучка начинает упрашивать бабушку не наказывать провинившегося студента («Не наказывай Жукова! <...> Ты хочешь, чтоб я, как мама, заболела, да? Я попёрлась с тобой в это дебильное место! Ты хоть в чём-то хоть когда-то мне уступи хоть! – Слёзы свободно и легко текли у Вари по лицу» [Там же]), после чего по-профессорски принципиальная Евгения Филипповна неожиданно отменяет своё решение: «“Ладно, только успокойся. Что ты?” – испуганно лепетала старуха» [Там же].

Заглавие рассказа имеет прямое отношение к образу Гусейна Жукова. Фамилия **Жуков** происходит от названия насекомого – жук [24, с. 151]. В рассказе С. Шаргунова поведение Жукова таково, что связь фамилии с лексической единицей «жук» в переносном её значении («о ловком, хитром человеке, плуте, проныре») можно понимать как форму авторской оценки этого персонажа. Как только Гусейн заметил прибывших в лагерь «наблюдательниц», его лицо «исказила хищная гримаса любезности», он к каждой из них нашёл свой подход: аспирантке Люде со «скользким плотоядным оскалом» панибратски помахал кулаком, профессору «отвесил» смиренный поклон, а тринадцатилетней Варе в воздухе «сочинил» сердце, которое позже ему помогло. Всех «уважил» этот «жук» – «ловкий, хитрый человек, проныра». Писатель, будучи общественно-политическим деятелем (руководителем молодёжного движения «Ура!», участником различных митингов и др.), видит опасность для социума таких плутоватых личностей, готовых при необходимости менять «маски». Примечательно и то, что в «Словаре русских народных говоров» (1972) одно из значений слова «жук» – «о смуглом, черноволосом человеке» [21, с. 222], что вполне соответствует портретной характеристике смуглого «паренька». Фамилия Гусейна представляет интерес и потому, что он занимается энтомологией: «Вы бы слышали, как тут все (*над Жуковыми. – Г. М.*) потешались: “Жуков – жук”» [26]. Каламбур, который возникает благодаря приёму «игры на внутренней форме» [17, с. 36], создаёт эффект комического. Ономастическая игра, активное использование которой сегодня обусловлено «влиянием эстетики постмодернизма» [6, с. 11], здесь служит средством создания реалистического образа, способом «очеловечивания» персонажа, отрицательная оценка которого неизбежно возникает после знакомства с историей о неудачном «усыплении» насекомого.

Имя молодого человека также подчёркивает его противоречивый характер. «Он русский-то по матери, отец его – азербайджанец» [26], – уточняется в рассказе. **Гусейн** – имя арабского происхождения: «husain» – «красивенький» [22, с. 234]. Значение этого антропонима актуализируется, когда Варя впервые встречает студента: «Коренастый, патлатый, худое прыщеватое лицо. Но какие пушистые ресницы!» [26]. Вместе с тем сказанное вызывает в памяти выражение с неодобрительным оттенком «за красивые глаза» – ассоциация, подчёркивающая авторское отношение к персонажу, чей образ тем не менее остаётся неоднозначным: Гусейн не является «закоренелым злодеем», очевидно, и автор не отвергает сочувственное отношение к юноше, который живёт в неполной семье (отец оставил семью) и, судя по всему, нередко становится объектом насмешек («Жуков – жук»).

Кстати, жук, которого не сумел усыпить Гусейн, – это усач, или дровосек (лат. *Cerambycidae*) – «один из любимых предметов коллекционирования» энтомологов [14], отсюда реакция профессора: «Это же дровосек! – с напористым восторгом сказала Евгения Филипповна» [26]. Профессиональный восторг преподавателя не отменяет «вредоносности» насекомого, которое может наносить «значительный ущерб лесному хозяйству» [11, с. 37]. Вместе с тем «усачи играют важную роль в природе» [14]. Образ жука, как и образы других персонажей в анализируемом рассказе, «двоится» в том смысле, что функции, которые он способен «выполнять», носят как положительный, так и отрицательный характер.

Некоторая противоречивость в характере и поступках тринадцатилетней Вари также выявляется автором с помощью её именной характеристики. Имя **Варвар** (женск. *Варвара*) происхо-

дит из греческого «βάρβαρος» – «иноземный» [22, с. 58]. Л.В. Успенский отмечает, что данное имя имеет значение «дикарка, варварка» [25, с. 606]. В контексте рассказа «Жук» перечисленные значения позволяют автору определить поведенческие особенности героини. Во-первых, в своих постоянных спорах с бабушкой она подобна варвару, понимаемому как «невежественный, некультурный человек» [2, с. 111]. Варя – представитель «новой эры обскурантизма» (В.И. Арнольд [1, с. 102]), того «современного варварства», о котором всё чаще стали говорить в последние десятилетия: она «день-деньской зависает ВКонтакте», увлекается массовой культурой, её не интересуют наука и литература. Во-вторых, для той среды, в которую Варю ненадолго погружает поездка на практику, она «иноземна». Отметим, что противоречивость на уровне имени собственного обнаруживается и в этом образе: с одной стороны, Варвара – «дикарка, варварка», с другой – имеет место «влияние пословичных контекстов на “репутацию” имени» [15, с. 55]: в лексическом фоне русского языка Варвара – «любопытная» («любопытная Варвара» – «об очень любопытном человеке» [16, с. 71]). По-видимому, автор намеренно включает в сюжетную ткань произведения обращение бабушки к внучке: «Ты видела, сколько у меня книг? Варюха-горюха... Ну почему ты не читаешь ничего хорошего?» [26]. Евгения Филипповна же, судя по всему, читает, что важно писателю как «новому реалисту», использующему элементы поэтики постмодернизма, где читается весь «мир как текст». Не исключено, что для С. Шаргунова бабушкино обращение «Варюха» – поэтоним, который «“бурлит” различными содержательными и интерпретативно-смысловыми возможностями и при этом способен накапливать и хранить информацию» [8, с. 242]. Дело в том, что Варюха – это персонаж романа «Разгром» (1926) А. Фадеева, внимание к творчеству которого у С. Шаргунова обострено: его бабушка, Валерия Герасимова, была женой начинающего писателя. Можно предположить, что смена идеологических ориентиров в современном обществе, по мысли С. Шаргунова, наглядно демонстрирует «измельчание» высоких нравственных понятий: «Варюха» из его рассказа «Жук» сокрушается не из-за трагических обстоятельств личной судьбы, искалеченной братоубийственной Гражданской войной, а из-за невозможности сразу, по первому требованию, получить желаемое; все её огорчения – от невозможности подчинить окружающих своей капризной воле.

Для выявления особенностей авторской позиции в рассказе С. Шаргунова «Жук» не менее важен и образ Евгении Филипповны. Имя **Евгений** (женск. *Евгения*) происходит из греческого «Eugenios», которое восходит к древнегреческому «εὐγενής» – «благородный» [22, с. 98]. В данном рассказе значение этого антропонима соответствует образу героини: Евгения Филипповна – заслуженный профессор, неслучайно коллега-аспирантка называет её подвижницей, как принято называть тех, «кто самоотверженно борется за достижение высоких целей на каком-л. трудном поприще» [2, с. 861]. Судя по возрасту, преподавательница является «шестидесятницей» – представительницей того поколения, для которого «характерна высокая активность – не только политическая, вообще азарт и пафос участия в жизни» [3, с. 6]. Напомним, что в свои преклонные годы Евгения Филипповна продолжает работать. Благородство героини особенно ярко проявляется в эпизоде разговора с хамоватыми «пареньками» в парке: «Бабушка остановилась, их разглядывая и что-то соображая, потом подалась вперед, как бы поклонилась, и начала говорить громко... <...> ...они (*парни. – Г.М.*) неожиданно послушались: слезли со скамьи и быстро ушли» [26]. Однако автор показывает, что героиня иногда может быть высокомерной в общении с другими (вероятно, в силу возраста): «Как улов? – барственно спросила старуха <...>» [Там же].

Отчество героини – **Филипповна** – образовано от имени *Филипп*, которое является «именем нескольких македонских царей» [22, с. 224], что подчёркивает одновременно и благородство, и некоторую «барственную отстранённость» героини. Л.В. Успенский отмечает, что от имени *Филипп* образовано слово «филиппика» – «гневная обличительная речь» [25, с. 628]. Гневную обличительную речь (хоть и короткую) произносит профессор во время просмотра работ студентов: «Люда, есть же правила! – грозно сказала бабушка <...>. – Вы же отличница! Вы что, первый раз? Думаете,

он боли не чувствует или нервной системы у него нет? Так, значит, Жукову незначёт...» [26]. Однако эта «филиппика» разгневанной наставницы легко отодвигается в сторону участливым отношением Вари к Гусейну. Евгения Филипповна – это часто встречающийся в произведениях С. Шаргунова образ «человека уходящего прошлого» [10], «шестидесятница» с высокими жизненными принципами, которые «первозданными» ей не удаётся сберечь под напором нахлынувших на неё тёплых чувств к своей «Варюхе».

Смена нравственных ориентиров, последовавшая за сменой идейных координат в общественном сознании «постперестроечного» периода, даёт о себе знать и в характеристике аспирантки Людмилы, руководившей летней практикой студентов биологического факультета. Евгения Филипповна воспринимает девушку как свою воспитанницу, которой она может сделать резкое замечание: «Люда, что за безобразие?» [26]. Студенты обращаются к аспирантке по имени-отчеству – *Людмила Сергеевна*. Повествователь использует гипокористическую форму имени героини – *Людя* («аспирантка Люда»). *Людмила* – имя «с живой внутренней формой» [4, с. 172]: оно происходит из славянской основы со значением «люди, люди» + «милая» [22, с. 309]. Людмила Сергеевна, в основном, снисходительна и мила по отношению к «людю» – студентам, которым она, судя по всему, позволяет вести себя фамильярно: Гусейн при встрече «бодро помахал аспирантке кулаком». Хотя при необходимости Людмила может быть такой же прямолинейной, как и её старшая коллега, явно подражая наставнице: «Накажем (*Жукова. – Г. М.*)! – сказала аспирантка жизнерадостно. <...> Трудно мне одной с ними со всеми. Я двадцать раз придурку этому объясняла: “Не справился – начинай сначала!”» [26]. Актуализируется и отчество героини – *Сергеевна*, образованное от имени *Сергей*, происходящего из латинского «*Sergius*» – «римское родовое имя» [22, с. 199], которое, в свою очередь, вероятно, происходит из этрусского языка [28] и означает «слуга» [29, р. 139]. Амбивалентность имени, от которого образовано отчество героини, подчёркивает «двойственность» нравственного облика Людмилы и её поведения. Родившись на стыке эпох, она «впитала» нормы «века нынешнего» и «века минувшего»: увлечённость делом, профессионализм, «подхваченные» у Евгении Филипповны, граничит в её поведении с легкомыслием и своего рода низкопоклонством, готовностью верно «служить» уважаемой старшей коллеге, порой стараясь казаться взрослее и строже («подхватила (*слова Евгении Филипповны. – Г. М.*) Люда»; «– Свободен, – сказала бабушка. / – Свободен! – прикрикнула Люда» [26]).

Таким образом, можно сказать, что имена персонажей в рассказе С. Шаргунова «Жук» задают ориентиры в понимании образной системы произведения и служат способом выражения авторской позиции. С их помощью прозаик показывает, как безрассудно современное общество, уставшее от разногласий и споров, способно отказаться от принципов «благородной» Евгении Филипповны в пользу «пронырливого» Жукова. В рассказе представлена «двойственность» позиции всех персонажей при устойчивости нравственной основы автора, который тем не менее не склонен к морализаторству. Как «новый реалист» он видит причины разногласия между поколениями в том, что наша «страна прожила совершенно разные, противоположные друг другу отрезки. И возможность соединить эти противоречия целостно, естественно, здраво, органично, так, что ты <...> не пытаешься высмеивать ту действительность, которая тебя окружает, – это, наверное, признак поколения тех литераторов», которые пришли в литературу вместе с С. Шаргуновым [12]. Учитывая сказанное, необходимо обратить внимание на важную деталь повествования – жука, который встречается в конце анализируемого рассказа: возвращаясь в город из студенческого лагеря, бабушка и внучка видят жука-носорога (лат. *Oryctes nasicornis*). По некоторым данным, этот жук «не принимает пищи», или, если и принимает, то «во всяком случае мягкую или жидкую» [5]. В контексте произведения «безобидность» данного насекомого имеет важное значение, так как это жук «примирения»: «Бабушка что-то говорила земле. / – Что там? – повторила Варя. / Бабушка чуть разогнулась и выдохнула ей в лицо: / – Жук-носорог! <...> / Варя не удержалась, схватила бабушку за плечи и одним стремительным нырком поцеловала в макушку <...>» [26]. Можно сделать вывод о том, что авторская позиция в рассказе «Жук» выявляет устремлённость художника к миру в обществе, испытывающем немало идеологических споров и поколен-

ческих разногласий. Справедливо отмечает А.А. Горячева: «Для того, чтобы понять “новый реализм” Шаргунова, необходимо радоваться жизни, любить её. Именно с этим началом связана и поэтика открытого финала, символизирующего продолжение жизни» [7, с. 139]. Однако, радуясь жизни, нужно уметь просчитывать не только личностные, но и общественно значимые «риски» поспешных «примирений» с отступлениями от моральных и профессиональных принципов, прислушиваясь к «подсказкам природы» и стремясь, «несмотря на всю боль, на всю злость, на все страсти идти к общественному договору» [19], на чём настаивает С. Шаргунов.

Литература

1. Арнольд В.И. Победное шествие антинаучной революции // Вестник Московского университета. Сер. 20. Педагогическое образование. 2012. № 4. С. 101–104.
2. Большой толковый словарь русского языка: А-Я / ИЛИ РАН; Составитель, главный редактор кандидат филологических наук С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.
3. Быков Д.Л. Шестидесятники: Литературные портреты. М.: Молодая гвардия, 2019.
4. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980.
5. Виноградов Н.А. Жук-носорог // Сайт Зоологического института РАН «Жуки и колеоптерологи». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zin.ru/animalia/coleoptera/rus/rhinocer.htm> (дата обращения: 23.04.2022).
6. Врублевская О.В. Языковая мода в русской ономастике: автореферат дисс. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2017.
7. Горячева А.А. Творчество С. Шаргунова 1990–2000-х гг. как объект научной рефлексии // Высокие технологии, наука и образование: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. ст. IV Всерос. науч.-практич. конф. (г. Пенза, 30 окт. 2019 г.). Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2019. С. 137–139.
8. Калинин В.М. Имя собственное как поэтоним // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований: коллективная монография / науч. редакторы В.И. Супрун, С.В. Ильслова. Майкоп: Издательство «Магарин О.Г.», 2017. С. 230–264.
9. Карпенко Ю.А. Имя собственное в художественной литературе // Филологические науки. 1986. № 4. С. 34–40.
10. Клабукова Ю.В. Герой времени в современной отечественной прозе (на материале романа С. Шаргунова «1993») // Язык. Культура. Коммуникации. 2014. № 2(2). [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/18/113> (дата обращения: 23.04.2022).
11. Леонтьев В.В., Батькова Р.М. Таксономическое распределение жесткокрылых семейства Cerambycidae в северо-восточной части Республики Татарстан // Труды Казанского отделения Русского Энтомологического Общества. Вып. 4. Казань: ООО «Олитех», 2016. С. 37–44.
12. Линия жизни. Сергей Шаргунов // Телеканал «Культура». [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/HzQv7ltyQz8> (дата обращения: 23.04.2022).
13. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвек», 2001. 1600 стб.
14. Лобанов А.Л. Усачи (Cerambycidae) // Сайт Зоологического института РАН «Жуки и колеоптерологи». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zin.ru/animalia/coleoptera/rus/incose.htm> (дата обращения: 23.04.2022).
15. Михайлов В.Н. Экспрессивные свойства и функции собственных имен в русской литературе // Филологические науки. 1966. № 2. С. 54–66.
16. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007.
17. Москвин В.П. Каламбур: приемы создания и языковая основа // Русская речь. 2011. № 3. С. 35–42.
18. Никонов В.А. Имена персонажей // Поэтика и стилистика русской литературы. Л.: Наука, 1971. С. 407–419.
19. Особое мнение. Сергей Шаргунов. 28.12.2015 // Эхо Москвы. [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=hM7uK_jwtde&t=2297s (дата обращения: 23.04.2022).
20. Перевалова С.В. Проблема преемственности исторической памяти народа в повести Б.П. Екимова «Осень в Задонье» // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2020. № 10(153). С. 187–196.
21. Словарь русских народных говоров. Выпуск девятый. Л.: Наука, 1972.
22. Суперанская А. В. Современный словарь личных имён: сравнение, происхождение, написание. М.: Айрис-пресс, 2005.
23. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: дисс. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000.
24. Унбегаун Б.-О. Русские фамилии. М.: Прогресс, 1995.
25. Успенский Л.В. Слово о словах. Ты и твоё имя. Л.: Лениздат, 1962.
26. Шаргунов С.А. Жук // Октябрь. 2012. № 12. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2012/12/zhuk.html> (дата обращения: 23.04.2022).
27. Шаргунов С.А. Свои. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2018.
28. Faure Sabater R. Diccionario de nombres propios. Madrid: Espasa Calpe, S.A., 2007.
29. Hayes Justin Cord. The Terrible Meanings of Names: Or Why You Shouldn't Poke Your Giselle with a Barry. Avon: Adams Media, 2013.

GERMAN MEYSTER

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**NAME CHARACTERISTICS OF THE CHARACTER AS THE WAY OF THE EXPRESSION
OF THE AUTHOR'S POSITION IN THE STORY "BUG" BY S. SHARGUNOV**

The name characteristics of the characters in the story "Bug" by S. Shargunov is studied as the form of the expression of the position as the contemporary author, considering the issue of the interrelation of the generations in the context of the social processes of the end of the XXth and the beginning of the XXIst centuries.

Key words: *author, character, name characteristics, generation, "new realism".*